

Извлечение золота

ПЕДАГОГ

Об удивительной истории создания Ярославского Дворца пионеров в канун Великой Отечественной войны силами многих предприятий и общественности города, о замечательном коллективе первых руководителей кружков и студий мы писали уже не раз. Из всех мне особенно близок руководитель химической лаборатории профессор Виктор Михайлович Власов, которого, к сожалению, нет с нами уже более тридцати лет.

На самое трудное время выпала ему судьба жить. Родился в 1914 году. По комсомольской мобилизации окончил учительские курсы и в восемнадцать лет стал заведовать начальной школой. Закончил химико-биологический факультет Ярославского пединститута. Поручили только что получившему диплом Виктору Власову одно из важнейших направлений в работе дворца — создание химической лаборатории, Ярославль становился центром химической промышленности. И он взялся за дело со всей серьёзностью.

Это о нём один из первых кружковцев, потом академик Николай Зефирин сказал: «Виктор Михайлович Власов один сработал за целый институт». Речь шла о работе со старшекласниками.

Перед открытием дворца кое-что перепало и химикам: знаменитый длинный стол для опытов, вытяжные шкафы, горелка Бунзена, посуда. В тесном закутке — кабинете Виктора Михайловича — стеллажи всё плотнее набивались химической литературой. Он сам покупал и приносил книги из дома, кружковцы с первых занятий привыкли работать с научными статьями, несли новые издания.

Возле этого сильно потрёпанного дивана с кожаной обивкой стояла лампа под зелёным абажуром. Здесь многие часы проводил Виктор Михайлович, сюда приглашал на разговор по душам, здесь давал индивидуальные задания.

Во дворце были самые красивые новогодние ёлки. Но билетов выделялось мало, на кружок всего один-два. И Виктор Михайлович нашёл выход. Лаборатория на первом этаже, и окна её выходили во двор. Он открывал створки в лаборантской, и ребята через окно влезали внутрь, передевались. А потом по одному пробирались в иллюминированный зал... И даже строгий и невероятно умный, как считали, Ярослав Прокофьев, потом один из ведущих учёных НИИМСК, оказывается, тоже лазил в окно на ёлки.

Власов, очевидно, сразу оценил способности и характер Ярослава. Сделав главным своим помощником, он брал его, например, на «Лакораску», с которой была договорённость о химической посуде и реактивах для лаборатории. Учил общению со «спонсорами». Первому из всех кружковцев разрешил брать на вахте ключи от лаборатории. Потом это же право получили будущие академики Николай Зефирин, Георгий Еляков, Игорь Комиссаров, профессор Сергей Александров, Маша Антропова-Полукеева, через десять лет заменившая Власова. Это доверие было самой большой наградой.

Связи с НИИМСК у лаборатории крепили — туда пришли вчерашние пионеры: ЦЗЛ возглавил Борис Григорович, по особой программе работала лаборатория Владислава Фельдблома, брала к себе на практику ребят заведующая отделом Нонна Петрушанская.

А Маша Антропова-Полукеева в начале пятидесятых ещё училась в педагогическом на биолого-географическом факультете. Ей с детства выпала тяжёлая доля. В семье было двенадцать детей. Отца репрессировали. Братья погибли на фронте. В немилых трудах страдала выжила только она, самая младшая.

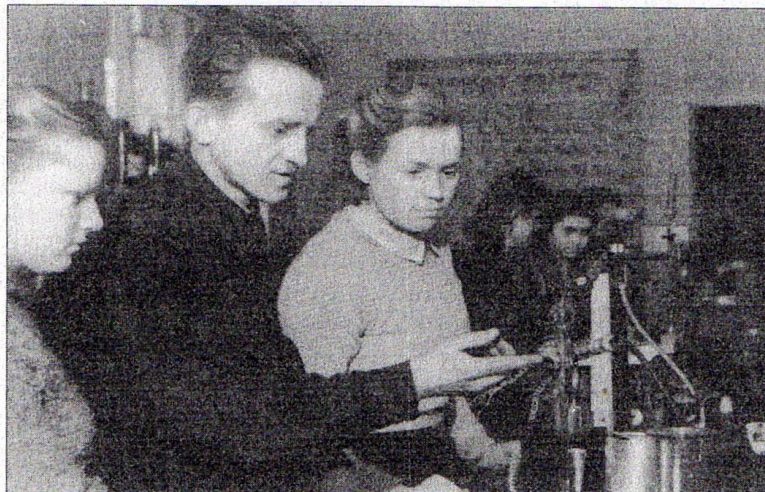
В кружке у неё проявилась своя изюминка — интерес к растворам. И в институте эти темы не представляли для неё никакой трудности. С красным дипломом была направлена в Пашехонье-Володарск. Однажды получила письмо от Власова. Он писал, что переходит на работу в пединститут, начинает готовить кандидатскую и вынужден оставить лабораторию. Не передать дело случайному человеку не хочет и просит её согласия на перевод. С 1954 года Маша стала заведовать кружком. Виктор Михайлович неотрывно следил за ней, помогал.

Сам Власов считал себя последователем академика Алексея Евграфовича Фаворского, Героя Социалистического Труда, своими исследованиями оказавшего прямое влияние на производство синтетического каучука и пластмасс, на разработку проблем ацетилена и его производных.

Когда Виктор Михайлович был утверждён в звании доцента, академика Фаворского уже не было в живых. Но его ученик член-

корреспондент Академии наук СССР В. М. Шостаковский пригласил Ярослава в Иркутск, в создаваемый им институт органической химии, предложил открыть лабораторию по проблеме «Химия ацетилена и его производные».

Семь лет Власов вместе с сотрудниками проводил цикл исследований: впервые получил полимерные соединения с уникальными свойствами, работал с многофункциональными мономерами, опубликовал более 150 научных работ, получил десятки авторских свидетельств, защитил докторскую диссертацию по химии ацетиленовых соединений. Защитился он в Ленинградском университете, и оппонентом был академик Николай Зефирин, бывший его кружковец.

После защиты вернулся в Ярославль, где Виктору Михайловичу выпало налаживать учебный процесс на вновь открытой в педагогическом институте кафедре органической химии.

В эти годы уже загорались звёзды лучших его учеников. Когда-то Владимир Шубин и Юрий Оводов получали призы на первой городской химической олимпиаде, организованной Власовым. Потом Юрий Оводов блестяще окончил химфак МГУ. И более тридцати лет работал с академиком Георгием Еляковым, тоже кружковцем, на Дальнем Востоке. Они создавали и долгое время возглавляли Тихоокеанский институт биорганческой химии. Доктор химических наук Вячеслав Шубин стал одним из ведущих учёных Новосибирского института органической химии.

В 1975 году Виктор Михайлович, казалось, был в расцвете сил. Набирала авторитет созданная им кафедра органической химии пединститута. Всё это время лаборатория дворца занимала в жизни профессора Власова особое место. Тогда, в 1975 году, уже 120 бывших кружковцев защитили кандидатские диссертации, 20 — докторские, трое стали академиками.

Во время Власов был ещё и главным редактором сборника научных и методических трудов «Высокомолекулярные соединения» — для учителей средних школ. Планировался 132-й выпуск сборника, профессор предложил Марии Полукеевой вместе с сотрудницей кафедры Ольгой Андриановой подготовить статью об опыте работы юношеской химической лаборатории. Они выполнили его задание, но в этом номере сборника фамилия редактора была в чёрной рамке.

Выпуск № 132 был посвящён важнейшему достижению прошлого века: созданию новой группы полимерных материалов — ионитов. В одной из статей упоминалось имя учёного Гармса, который в начале века высказал предположение, что с помощью ионитов можно извлекать золото из морской воды. И теперь кажется, что не случайно писали о лаборатории в этом номере. Сам Власов все силы отдал формированию «золотых» умов и характеров из тогдашних под-ростков.

Виктор Михайлович в своё время перешёл в руки Марии Полукеевой сына Виктора и дочь Екатерину. После окончания института Виктор-младший проходил аспирантуру у Игоря Васильевича Комиссарова. «Благополучно защитился и был Минздравом распределён в Тернополь на должность ассистента, — пишет нам академик. — Ректорат выделил ему и его жене комнату в общежитии. Насколько я знаю, он был доволен трудоустройством. Однако поздней осенью, возвращаясь с сельскохозяйственных работ (или строительных?) в открытой машине и под дождём, он, вероятно, простудился и через четверо суток умер от острой респираторной инфекции».

Виктор Михайлович пережил смерть сы-

на как тяжёлый удар. И так большое сердце всё чаще давало знать о себе. В больнице он держался стойко, обсуждал проблемы кафедры с навецавшими его сотрудниками. Но раненое сердце не выдержало. Осиротели все — и семья, и кафедра, и десятки учеников.

А талант и черты характера Виктора Михайловича остались в судьбах его воспитанников.

Игорь Васильевич Комиссаров — основатель школы фармакологии в Донецке, его знают в научных кругах России и стран СНГ, он автор трёхсот научных работ, под его руководством подготовлены четыре доктора и 29 кандидатов наук.

Ярослав Николаевич Прокофьев после

окончания политеха и назначения в НИИМСК стал быстро продвигаться по службе, работал в группе по изучению галогидрированных бутилкаучуков: сначала начальником опытной установки, потом заведующим лабораторией.

По ярославским разработкам возводились крупные заводы в Сумгаите, Ефремове, Нижнекамске, Тольятти.

Ярославские учёные, в числе их и Ярослав Прокофьев, сотворили чудо — создали аналог природного сокровища, и многие поколения химиков совершенствовали его. В год 950-летия Ярославля он занесён в Книгу почёта города.

Получивший красный диплом Владислав Фельдблому стал разрабатывать в НИИМСК технологию нового процесса получения изопрена, сырья для синтетического каучука.

Здесь он защитил кандидатскую диссертацию. Синтез новых химических материалов велся в тесном сотрудничестве с учёными МГУ, с академиком Николаем Зефириным.

Сейчас он профессор кафедры общей и физической химии технического университета, автор двух широко известных книг по политической экономии.

Большую роль общению с Виктором Михайловичем сыграло в жизни и других кружковцев — «нехимиков», Сергея Александрова, профессора меакадемии, прекрасного врача, знают не только в городе. Династия Александровых вписана в историю ярославской медицины. Профессор Ярославского театрального института, крупнейший специалист по русской литературе Маргарита Ваняшова первые шаги к «Слову о полку Игореве», между прочим, сделала в нашей химической лаборатории.

А фотокорреспондент «Северного края» Юрий Барышев, тоже кружковец, сейчас почётный гражданин города. И сколько других проходят по жизни с напутствием профессора Власова, сколько удивительных легенд-воспоминаний они передают своим детям и внукам!

Пока рядом с нами живёт высоко талантливый, но скромный человек, трудолюбиво выполняющий своё дело, окружающие относятся к нему со спокойным удовлетворением: работает за двоих, троих и не просит поддержки. Теряем его — начинаются легенды. Профессор Власов создал уникальную систему работы со школьниками, две научные кафедры, но никто (кроме его учеников) не считал, что в Ярославле живёт и работает гордость и слава русской педагогической науки. Даже самое дорогое его детище — химическую лабораторию во дворце — давно закрыли, уничтожили оборудование, бережно собранную библиотеку, архив. Где тот галлий, ниобий?... Помещения сдали арендаторам-строителям, которые даже не представляют, в каком месте они работают. Но так у нас и бывает — от забвения к легендам. Между ними — бездна.

Инна КОПЫЛОВА.